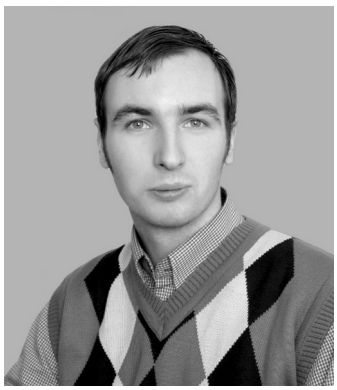
Херсонесский монастырь и собор Св. Владимира. Фото 2-й половины XIX в.

УДК 281.9+323.35:351.853(477.75)(043.3)



Калиновский В.В.

У истоков восстановления колыбели христианства на Руси: архиепископ Иннокентий (Борисов) и Херсонесская обитель

Калиновский Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории, Симферопольский колледж Национального университета пищевых технологий
E-mail: kalinovsky@ukr.net

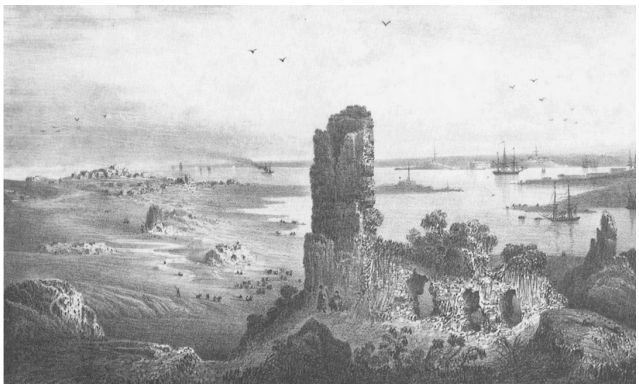
Статья посвящена подвижнической деятельности выдающегося иерарха – архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), направленной на восстановление обителей на местах средневековых памятников. Этот проект получил название «Русский Афон». Особое место в планах владыки отводилось Херсонесу как месту крещения князя Владимира. В исследовании проанализированы мероприятия, проводившиеся духовенством во время восстановления объектов.

Ключевые слова: Иннокентий (Борисов), Херсонес, Крым, Херсоно-Таврическая епархия, охрана культурного наследия.

Херсонес Таврический традиционно считается колыбелью христианства на Руси. Согласно летописным свидетельствам, именно здесь принял крещение князь Владимир Великий. Впоследствии собор, построенный на месте вероятного обращения правителя в новую веру, стал одной из главных святынь православного мира. При этом история восстановления и возведения культовых сооружений в Херсонесе до сих пор остается малоизученной. В современной историографии одним из первых на важную роль духовенства в сохранении и популяризацию важнейших христианских памятников Крыма обратил внимание профессор Андрей Анатольевич Непомнящий[1].

Реализация идеи о возведении обители на руинах древнего античного города принадлежит выдающемуся бого-

[1] Непомнящий А.А. Служители культа в развитии исторического краеведения Крыма: Историко-библиографический аспект // Крымский архив. 1999. № 5. С. 77–91; Он же. Роль духовних осіб у розвитку історичного краєзнавства в Криму: Друга половина XIX – початок XX ст. // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 123–133.



Вид руин Херсонеса.
Карло Боссоли. Литография. 1842.

Главная площадь Херсонеса до возведения собора Св. Владимира. С сайта Национального заповедника «Херсонес Таврический» http://www.chersonesos.org/?p=museum_hist

Архиепископ Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов; 1800–1857), член Российской академии (1836), член Святейшего Синода (с 1856)

Граф, с 1845 князь Михаил Семёнович Воронцов (1782 – 1856), генерал-фельдмаршал (1856), герой войны 1812 года. В 1823-1844 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, много способствовавший хозяйственному развитию края

слову, знаменитому церковному историку архиепископу Иннокентию (Борисову). В 1848 г. он был назначен на Херсоно-Таврическую кафедру, и после посещения Крыма предложил восстанавливать церкви и монастыри, существовавшие на полуострове в средневековье. Подготовительная работа по восстановлению обителей в Крыму началась летом 1849 г. Основная ее часть была проведена одним из ближайших сподвижников преосвященного Иннокентия симферопольским протоиереем, настоятелем Александро-Невского собора Михаилом Кононовичем Родионовым. Фактически до 1859 г. этот священнослужитель был главным начальствующим лицом в Таврии, не имевшей в то время самостоятельной архиерейской кафедры. Стоя во главе крымского духовенства, он был верным и благонадежным помощником епископов Херсонских и Таврических.

9 августа 1849 г. М.К. Родионов представил на благоусмотрение и распоряжение преосвященного Иннокентия рапорт, к которому прилагалось прошение, составленное жителями Симферополя, Бахчисарая и других окрестных мест. В нем высказывалась мысль об учреждении скита в Бахчисарайской Успенской скале и об открытии на горах Крымских киновий по образцу обителей, существовавших на горе Афон в Греции[1]. Этот документ, который подписало около 250 человек, по всей видимости, должен был стать обоснованием для утверждения о потребности православного населения в создании духовных центров и важным аргументом для Святейшего Синода. Данное прошение положило начало проекту, который впоследствии получил название «Русский Афон»[2].

Масштабная инициатива не могла быть реализована без поддержки светской власти, которой архиепископ Иннокентий вскоре заручился. Уже 29 сентября 1849 г. иерарх писал редактору «Журнала Министерства народного просвещения» Константину Степановичу Сербиновичу об успешной встрече с Новороссийским генерал-губернатором Михаилом Семеновичем Воронцовым: «В бытность здесь князя-наместника я имел удобность подробно переговорить с ним обо всем, нужном для здешнего края. Он оказал совершенное согласие на все ему предложенное и обещал полное содействие. Между прочим, ему весьма понравился мой прожект крымский»[3].

Очевидно, что под «прожектом крымским» имеется в виду «Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским», одобренная Святейшим Синодом и утвержденная императором. Она стала ключевым документом в деле возрождения христианских святынь в Крыму. В ней подчеркивалось, какое значение имело бы возобновление обителей. Святитель приводил следующие доводы в пользу своего замысла:

1. Этим подержалась бы, особенно в глазах иноверцев, честь веры христианской и самого правительства.

2. Сохранились бы от конечного разрушения места, по многим причинам стоящие внимания всякого просвещенного человека.

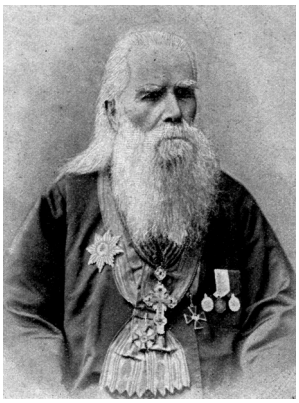
3. Образовались бы неприметно средоточия тихого благотворного действия веры христианской на окрестное татарское население и, возможно, подготовили бы постепенно сближение крымских мусульман с христианством.

4. Путешественникам по Крымским горам приятно было бы вместо мертвых и безгласных развалин, наводящих грусть и уныние, находить по местам пристанища священные, где вместе с телом мог опочить и дух[4].

---

[1] [Гроздов А.В.] Историческая записка о Херсонесском Св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1888. № 5. С. 81–83.
[2] Родионов М.К. Сведения о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной в каменной скале / Подг. А.В. Гроздов // ИТУАК. 1890. № 9. С. 62–67.
[3] Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским // ИТУАК. 1888. № 5. С. 87–97.
[4] Там же. С. 95.

Александр Петрович Толстой (1801–1873), член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода (1856–1862)



о. Арсений (Арсений Гаврилович Лебединский, 1818–1898), руководитель реставрации священных древностей Инкермана, Херсонеса и Балаклавы, герой обороны Севастополя

Успенский скит под Бахчисараем. Ф. Гросс. Литография. 1830-е гг.

Вскоре после утверждения этого решения, 10 июля 1850 г., член Государственного совета, будущий обер-прокурор Святейшего Синода Александр Петрович Толстой писал Иннокентию: «Я твердо уверен, что предпринятое Вами дело будет вскоре иметь самые благотворнейшие последствия. Когда величественное и многовековое здание Христианства подверглось сильным внешним нападениям и колебанию внутреннему – Промысел указал христианству обширную беспредельную Россию. Кто знает, что еще произойдет на Востоке, и удержится ли старинный Афон? Новый – необходим, и необходимо было указать ему место на южных горах России, чтобы он светил единоверцам и восточным, и западным»[1]. Этот отрывок свидетельствует о том важном политическом значении, которое придавалось проекту архиепископа Иннокентия. Мысль, высказанная высокопоставленным чиновником Российской империи, свидетельствует: крымские обители рассматривались как форпост христианства не только в отдельно взятом регионе, но и как связующее звено между единоверцами в мире.

Открытие Бахчисарайского Успенского скита, ставшее первым в ряду обителей «Русского Афона», не остановило деятельность архиепископа Иннокентия в области восстановления святынь. В 1852 г. он обратился с представлением в Святейший Синод, где говорил о необходимости открытия прочих киновий[2], так как «оставаясь впусте, без всякого призора, жалким видом своим служат не к чести для православия, – особенно в глазах иноверцев»[3]. Для восстановления были предложены развалины древней церкви в Херсонесе, где «произошло начало озарения светом веры православной всей России», и остатки двух малых церквей в Инкерманской скале. Для этого необходимо было решить вопрос о передаче земли в Херсонесе и Инкермане из Морского в Духовное ведомство, что было сделано после обращения обер-прокурора Святейшего Синода Николая Александровича Протасова к Морскому министру Александру Сергеевичу Меншикову[4]. Владыка Иннокентий воспользовался ранее полученным распоряжением Михаила Петровича Лазарева о выделении из Военно-морского ведомства в епархиальное Херсонесского мыса с его развалинами. Против решения легендарного флотоводца не возражал и его преемник на посту командующего Черноморским флотом – вице-адмирал Мориц Борисович Берх. Эта местность была поручена ведению и наблюдению протоиерея севастопольской Петропавловской церкви Арсения Гавриловича Лебединцева, который в то время был благочинным церквей Севастопольского округа. При благосклонном расположении властей, по поручению отца Арсения, флотские команды оградили Херсонес с сухопутной стороны, заделав бреши древней городской стены[5].

Нюансы условий выделения земли для Херсонесской обители стал причиной большинства будущих конфликтов между монахами и археологами. Ученые считали территорию Херсонеса уникальным памятником античности и средневековья, братия – местом крещения князя Владимира, а также своей усадьбой, где можно было заниматься хозяйственными работами. Раскопки, проводимые представителями науки, воспринимались монахами как посягательство на принадлежащую им по закону землю. Юридическое противоречие ситуации заключается в том, что Морское ведомство выделило для обители Св. Владимира участок, который ему не принадлежал. Это была так называемая «выгонная земля», находившаяся официально в собственности города Севастополя, власти которого не давали своего разрешения на ее передачу. Переписка по этому вопросу продолжалась десять лет, но так и не принесла изменений статуса земли[6]. Вряд ли можно говорить о какой-либо вине братии в возникновении проблемы с монастырской землей. Монахи пользовались тем участком, который получили от Морского ведомства, но невозможность компромиссного решения этого вопроса способствовала возникновению существенных противоречий с учеными на протяжении всех лет существования обители.

Херсонесу уделялось повышенное внимание архиепископа Иннокентия. Иерарху важно было найти место крещения князя Владимира. Образованный священнослужитель внимательно следил за публикациями о христианских

---

[1] Российская национальная библиотека, отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 313. Д. 42. Л. 386–387.
[2] Киновия (греч. κοινοβιος – совместная жизнь, общежитие) – христианская монашеская коммуна, монастырь общежитского устава. (*Прим. ред.*).
[3] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 20. Д. 44614. Л. 10–11.
[4] Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.
[5] ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 114.
[6] ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 22.

Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), историк и археолог, директор Ришельевского лицея, основатель, секретарь (1839) и вице-президент (с 1875) Одесского общества истории и древностей

древностях Крыма. В своих изысканиях владыка увлекся заманчивым предположением вице-президента Одесского общества истории и древностей Николая Никифоровича Мурзакевича об остатках крупного храма в центральной части городища как о территории, где состоялось важное для Руси событие. Впервые Николай Никифорович упомянул о фундаменте древнего культового сооружения в своей статье «Поездка в Крым», опубликованной в 1837 г. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения»[1]. Гипотеза Н.Н. Мурзакевича подкреплялась ярким описанием развалин Херсонеса в работе швейцарского путешественника Фредерика Дюбуа де Монпере[2]. Его труд наверняка был известен просвещенному архипастырю[3]. Неочевидное для ученых место крещения князя Владимира не вызывало сомнений у иерарха, во всех свидетельствах о херсонесских руинах он находил подтверждения своей точки зрения. Впоследствии послушник монастыря Св. Владимира Матвей Головин отмечал, что «ошибка эта была ошибкой времени, она исходила из доброго сердца, из чистого и благочестивого желания найти священное и дорогое для всех нас место»[4]. В память о знаменательном событии архиепископ Иннокентий решил восстановить в Херсонесе величественный храм. За помощью владыка снова обратился к командующему Черноморским флотом. 24 января 1851 г. М.П. Лазарев писал преосвященному: «Я очень рад, если доставленные от меня проектные чертежи церкви, которую Вы изволите предполагать воздвигнуть на развалинах древнего Херсонеса Таврического, – могли Вам понравиться»[5]. Следил владыка и за археологическими работами, проводившимися в то время в Херсонесе. Так, 3 марта 1851 г. А.Г. Лебединцев доводил до сведения архиепископа Иннокентия, что генерал-лейтенант Захарий Андреевич Аркас, проводивший любительские раскопки на территории городища, объявил священнослужителю, что в Херсонесе найдены следы новой церкви, длиной 13,5 саженей, шириной – 5,5 [6].

Новые масштабные замыслы преосвященного Иннокентия должны были выразиться в комплексе подготовительных мероприятий в восстанавливаемых киновиях. Так, в Херсонесе предлагалось: 1) восстановить на древнем фундаменте церковь, где, вероятно, крестился Владимир Великий, 2) устроить при этой церкви кельи на 12 человек братии и небольшую гостиницу для приюта посетителей, 3) эти объекты обнести решетчатой оградой с разведением внутри нее сада и восстановлением в нем древней, византийских времен, цистерны, 4) всю древнюю местность Херсонеса очистить от мусора и оградить, а затем по местам засадить виноградником или лесными деревьями. Соответственно, в Инкермане было запланировано: 1) обновить иссеченные в скале два малых храма, с посвящением одного из них Св. Клименту, а другого – Св. Мартину, 2) над текущим возле скалы источником устроить часовню и окружить ее садом, 3) у подошвы скалы устроить помещение для восьми человек братии[7]. О ходе работ архиепископу Херсонскому и Таврическому сообщали представители братии создаваемых обителей. Монах Владимир в письме от 29 июня 1851 г. рассказывал владыке об устройстве киновии в Херсонесе: была ограждена территория, возведены часовня и крест, а для въезда в церковный двор поставлены деревянные ворота шириной 6,5 аршин. Служитель культа предполагал, что ворота установлены на том месте, где они были в древности, так как вся новая стена строилась по линии прежней. Следовательно, монахами уже в это время производились хозяйственные работы, которые делали невозможными полноценные исследования стен древнего города. Также Владимир докладывал, что 26 июня 1851 г. Херсонес посетил контр-адмирал Петр Маркович Вукотич, который осмотрел развалины древнего храма и заявил, что по окончании расчистки этого сооружения «пойдет правильное раскрытие прочих мест на киновийной земле»[8].

Основная часть работ по восстановлению крымских святынь пришлась на 1852 г. В Херсонесской обители ими заведовал иеромонах Василий (Юдин), ставший первым настоятелем киновии. Он происходил из донских казаков и получил образование на естественном факультете Московского университета. Уже в зрелом возрасте в его жизни произошли значительные изменения. После трагической гибели жены и дочерей Василий (Юдин) принял постриг, после чего отправился в паломничество на Афон, откуда вернулся в сане иеромонаха[9]. В своих многочисленных письмах к владыке Иннокентию иеромонах подробно освещал все проводимые под его руководством мероприятия. Так, 25 апреля 1852 г. он сообщал, что на территории городища устроены сад, виноградник и библиотека. Любопытно, что в качестве адреса отправителя в письме были указаны «Развалины Херсонеса»[10]. Продолжались и работы по подготовке проекта строительства храма в центральной части городища. 31 октября 1852 г. флотский архитектор штабс-капитан Василий Александрович Рулёв снял план Херсонесской церкви на развалинах, который через генерала З.А. Аркаса был послан Н.Н. Мурзакевичу для передачи непосредственно преосвященному Иннокентию[11]. 22 ноября 1852 г. вице-президент Одесского общества истории и древностей сообщал архиепископу Иннокентию о задержке отправки плана и чертежей фасадов церкви в Херсонесе. Н.Н. Мурзакевич уточнял, что проект составлен им в точном духе церквей V–XI вв. Исследователь древностей

---

[1] Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 3. Отд. 4. С. 647.
[2] Дюбоа-де-Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, по Черкессии и Абхазии, Мингрелии, Георгии, Армении и Крыму // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Отд. 3. С. 93–154; Т. 36. Отд. 3. С. 1–36; 1840. Т. 39. Отд. 3. С. 185–224.
[3] ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 28.
[4] Там же. Л. 29.
[5] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 41. Л. 42.
[6] Там же. Л. 89 об.–91.
[7] РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 44614. Л. 17.
[8] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 37. Л. 14–15.
[9] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 41. Л. 23–32.
[10] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 37. Л. 115–116.
[11] Там же. Л. 231–232.

объяснял иерарху, что купол будущей церкви планируется сделать приземистым для соответствия древнему характеру строения и для того, чтобы он со временем не обвалился от тяжести. По приблизительным подсчетам Н.Н. Мурзакевича строительство церкви с живописью, позолотой, мрамором, иконостасом и полом обошлось бы в 20 000 рублей, но при условии содействия Морского ведомства могло обойтись дешевле. Планы флигелей, ограды и ворот планировалось составить позже. Ученый также просил преосвященного Иннокентия высказать мнение по поводу записки о проекте воссоздания Херсонесской церкви[1]. 24 ноября 1852 г. Н.Н. Мурзакевич писал архиепископу Иннокентию о завершении работ над проектом церкви в Херсонесе и представил его на рассмотрение преосвященного. Ученый просил сообщить об утверждении проекта, что позволило бы ему начать работу над деталями живописи иконостаса и горнего места в соответствии с требованиями византийского времени[2]. Вскоре проект утвердили, и была объявлена всероссийская подписка на строительство храма.

В январе 1853 г. владыка Иннокентий обратился в Святейший Синод по вопросам об освящении киновий в Херсонесе и Инкермане, отчитываясь об уже сделанной работе. Местность Херсонеса к тому моменту была уже обнесена каменной стеной, внутри которой были устроены три кельи и небольшой временный молитвенный дом. Это здание должно было служить церковью до восстановления в первозданном виде храма, в котором крестился князь Владимир. Без этих действий уцелевшие фундаменты древних церквей могли быть расхищены жителями Севастополя на постройки[3]. В Инкермане была воссоздана одна пещерная церковь и отремонтировано несколько келий[4]. Оба помещения для молитв снабжены всем необходимым для богослужения – утварью, ризницами, книгами, небольшими колоколами. 18 марта 1853 г. Синод разрешил освятить обители[5]. 15 мая 1853 г. архимандрит Поликарп сообщал в Херсонскую духовную консисторию о том, что было сделано в Херсонесской киновии в течение года при усердии иеромонаха Василия (Юдина). Архиепископ Иннокентий распорядился при работах по восстановлению святынь в Херсонесе и Инкермане проявлять «больше внимательности для возможного соблюдения всего относящегося к древности». Исключение составило обновление живописью стен сводов и стен пещерных церквей, поскольку невозможно было определить, где какое изображение находилось ранее[6].

Значительной страницей в истории изучения Херсонеса стали раскопки здесь графа Алексея Сергеевича Уварова. Немаловажную роль в этом сыграло благожелательное отношение к археологу преосвященного Иннокентия. Еще в 1848 г., вскоре после назначения святителя на Херсоно-Таврическую кафедру, профессор Михаил Петрович Погодин рекомендовал ему молодого историка, прибывшего в Крым для проведения археологических исследований[7]. Однако полноценное сотрудничество А.С. Уварова с духовенством началось в 1853 г., когда он был командирован Министерством императорского двора на Юг России для отыскания там примечательных предметов старины. Архиепископ Иннокентий дал исследователю разрешение производить археологические разыскания в местности Херсонеса, с условием, чтобы находимые вещи оставлять на месте для «составления» в Херсонесе и Инкермане хранилищ из местных древностей. Уже после начала работ Святейший Синод своим указом от 30 ноября 1853 г. приказал вещи, относящиеся к христианской церкви, оставлять в обителях, а остальные – отправлять в Эрмитаж[8].

Граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), русский археолог, член-корреспондент (1856), почётный член (1857) Петербургской Академии наук. Один из основателей Московского археологического общества, Исторического музея в Москве, инициатор археологических съездов

Открытие новых объектов в Херсонесе живо заинтересовало владыку Иннокентия. В письме от 28 ноября 1853 г. протоиерей А.Г. Лебединцев передавал ему о раскопках графа А.С. Уварова в Херсонесе, которые, по словам священника, увенчались «особенно счастливым успехом». Исследователем на берегу моря был обнаружен храм, описание которого приводилось в письме А.Г. Лебединцева. Служитель культа сообщал, что А.С. Уваров был очень рад открытию и выражал уверенность в том, что оно заинтересует императора. По мнению археолога, найденный храм – единственный, который может дать представление о древней византийской архитектуре. В письме также высказывалось предположение, что этот храм был кафедральным и именно в нем крестился князь Владимир Великий. Для защиты открытых церквей от непогоды и охотников за древностями, они были накрыты сверху досками и большими камнями. Найденные вещи ученый не забрал с собой, а по описи оставил на месте. Для них был сделан специальный большой сарай или шалаш, который запирался от посторонних лиц. Граф А.С. Уваров также поручил спросить преосвященного, не угодно ли будет на открытие древностей в Херсонесе принять от казны денежное пособие в размере полторы тысячи в год[9].

6 декабря 1853 г. уже сам археолог в письме к владыке Иннокентию подробно описал свои находки:

«Ваше высокопреосвященство милостивейший архипастырь!

Приняв Ваше архипастырское благословение, я немедленно приступил к раскрытию церкви, лежащей близ берега моря на северной стороне города. Здание это имеет 25 саженей длины и около 10 саженей ширины. Вокруг

[1] Там же. Л. 179–180.
[2] Там же. Л. 210–211.
[3] РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 44614. Л. 101–103.
[4] Там же. Л. 15 об.–16.
[5] Там же. Л. 106–107.
[6] Там же. Л. 113–116.
[7] Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 32.
[8] [Гроздов А. В.] Историческая записка о Херсонесском Св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // ИТУАК. 1888. № 5. С. 83–86.
[9] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 39. Л. 185–186.

полукруглого алтаря идет горнее место, и большая четырехугольная плита указывает место, где стоял престол; под ней находились 22 монеты времен Романа I-го. Алтарь и иконостас, изукрашенные мрамором, возвышаются одной ступенью над церковным помостом. Перед солеей видны следы амвона. Два ряда колонн шли по всему храму до самого притвора. Посередине церковный помост вымощен мраморными плитами, а по сторонам узорчатыми мозаиками, рисунок и сохранность этих мозаик достойны замечания, как первый подобный памятник, найденный в России. Помост притвора также изукрашен мозаикой.

Наступившая холодная погода остановила работы; и согласно желанию Вашего высокопреосвященства я передал все найденные вещи и самое разрытое мною здание настоятелю Петропавловской церкви, приняв к сохранению их все возможные меры. Сожалею, что зимнее теперь время не допускает меня продлить археологические исследования, но радуюсь, видя, что Ваше высокопреосвященство обратили Ваше внимание на местность, столь замечательную в отечественной истории.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего высокопреосвященства покорнейшим слугою граф А. Уваров»[1].

По мнению видного знатока крымских древностей А.Л. Бертье-Делагарда, найденная А.С. Уваровым базилика – «самая красивая, древняя и самая большая из всех известных до сих пор церквей – в шесть раз больше той, на которой воздвигнут новый храм [Херсонесский собор Св. Владимира. – *В.К.*]»[2]. Несмотря на значимость открытий, исследования графа А.С. Уварова в Херсонесе, к сожалению, не имели продолжения.

Существенно расширяет представления о деятельности преосвященного Иннокентия его переписка, отложившаяся в Отделе рукописей РНБ. Среди корреспондентов владыки были выдающиеся люди того времени: императрица Александра Федоровна, таврический губернатор Александр Иванович Казначеев, писатели Николай Васильевич Гоголь и Петр Петрович Гулак-Артемовский, хирург Николай Иванович Пирогов, исследователь керченских древностей Антон Бальтазарович Ашик и многие другие. Естественно, что в эпистолярном наследии святителя зафиксировано и обсуждение проекта о «Русском Афоне» в Крыму. Наиболее полно этот вопрос отражен в переписке архиепископа Иннокентия с великим князем Константином Николаевичем. Неудивительно обращение иерарха ко второму сыну императора Николая I, ведь без содействия правящей династии масштабный замысел церковного деятеля не имел шансов на реализацию. Следует обратить внимание, что в письмах постоянно подчеркивается политическая значимость воссоздания православных духовных центров на южных рубежах империи. 17 января 1852 г. Константин Николаевич обратился к архиепископу Иннокентию с письмом, в котором интересовался устройством монастырей в Крыму[3]. В своем ответном послании от 27 февраля 1852 г. владыка с радостью отметил тот факт, что крымские обители, «несмотря на их малость и незначительность», привлекли внимание представителя августейшей династии. Иерарх сообщал, что святыни, хотя и медленно, но восстают из тысячелетних развалин. Преосвященный доводил до сведения Константина Николаевича, что в конце 1851 г. им было подготовлено представление в Святейший Синод с просьбой о высочайшем соизволении на передачу из морского в епархиальное ведомство развалин Херсонеса и Инкермана с целью устроить там иноческие киновии. В Инкермане для реализации этого замысла предполагалось использовать два малых древних вырубленных в скале храма, требовавших только небольшого исправления, а в Херсонесе – восстановить в первоначальном виде церковь, в которой предположительно состоялось крещение князя Владимира. Владыка считал, что «таким образом, южный Кронштадт наш оградится от врагов твердынями не только вещественными, но и духовными»[4]. Преосвященный Иннокентий также сообщал великому князю о напечатанном в «Записках Одесского общества истории и древностей» подорожнике посольства из Москвы в Крым в царствование Михаила Федоровича с пророчеством одного из угодников относительно будущей судьбы Таврического полуострова в составе России. В нем, в частности, говорилось о городе Ин-Кермен (Инкерман), где в древние времена процветало христианство[5]. Впоследствии этот сюжет неоднократно упоминался архиепископом Иннокентием в проповедях. Так, он был упомянут в качестве ободряющего примера в слове в 18-ю неделю по Пятидесятнице, сказанном в Сретенском соборе Одессы 3 октября 1854 г.[6].

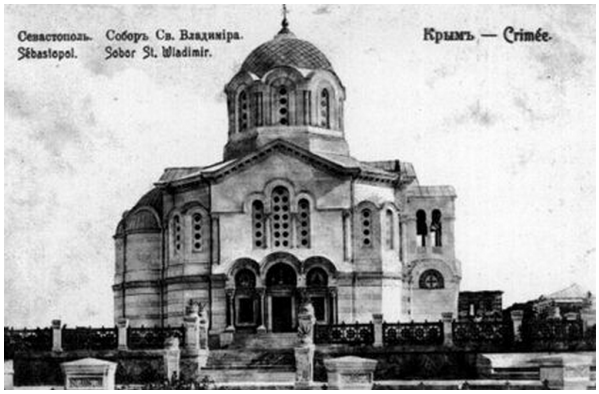
Дальнейшей реализации проекта «Русский Афон» помешала Крымская (Восточная) война. Работы в духовных центрах Крыма были свернуты. Тем не менее, архиепископ Иннокентий в дни испытаний не оставил свою паству. Во время англо-французской бомбардировки Одессы, 10 апреля 1854 г., в Великую субботу, во всех храмах города были проведены богослужения, а в кафедральном соборе службу проводил сам владыка. 17 апреля 1854 г. генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии Николай Николаевич Анненков сообщал обер-прокурору Святейшего Синода графу Николаю Александровичу Протасову о каждодневных богослужениях, проводимых Иннокентием и подчиненным ему духовенством, а также о речах владыки, которые способствовали воодушевлению населения и поддержанию в городе спокойствия и порядка[7].

Исполненный высоких патриотических чувств, преосвященный Иннокентий вскоре отправился в ставший центром боевых действий Севастополь, чтобы там утешить и ободрить воинов, преподать благословение и призвать божественную благодать. Попутно во многих городах края он воодушевлял своими речами местное население и посещал лазареты. Его проповеди были обращены к воинам, сестрам Крестовоздвиженской общины и к мирным жителям[8]. 15 июля 1854 г. владыка Иннокентий прибыл на закладку здания собора Св. Равноапостольного князя Владимира в Севастополе. Как епархиальный архиерей он принял на себя труд сделать освящение места со свойст-

[1] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 37. Л. 318–319.
[2] ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.
[3] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 37. Л. 143–144.
[4] Иннокентий [Борисов]. [Письма к великому князю Константину Николаевичу, 1852] // Русская старина. 1879. № 5. С. 190–191.
[5] Оболенский М. Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 685–687.
[6] [Инокентий (Борисов)]. Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице. Произнесено в Одесском Сретенском городском соборе 3 октября 1854 г. / Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 1. СПб., 1908. С. 498–502.
[7] РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Д. 16. Л. 5.
[8] М.Ш. Архиепископ Иннокентий в Тавриде в 1854–1855 гг. // Таврические епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 977–990.

венной ему торжественностью, хотя проходили эти действия на фоне военных кораблей противников[1].

24–27 июня 1855 г. владыка снова посетил осажденный Севастополь, где отслужил несколько литургий. Живой интерес Иннокентия к ходу боевых действий наглядно демонстрирует его переписка, хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, включающая в себя около 500 писем, полученных владыкой во время Крымской войны от различных корреспондентов. Примечательно, что к святителю обращались не только священнослужители Херсоно-Таврической епархии, но и множество других духовных, светских и военных лиц. Своей широтой поражает и тематика обсуждавшихся вопросов: проведение военных операций, состояние госпиталей, религиозное утешение раненых, снабжение их продовольствием и т.д. Как справедливо заметил исследователь биографии архиепископа Иннокентия Николай Иванович Барсов, из этих писем «может составиться самая подробная неофициальная хроника войны», которая позволит во многом изменить и дополнить «историю событий того времени»[2]. Наиболее полно ситуация, сложившаяся в окрестностях Севастополя в дни обороны города, отражена в письмах представителей братии воссоздаваемых обителей. Так, Херсонесский игумен Василий сообщал владыке, что перед блокадой неприятели присылали парламентера, который выставил условие, чтобы на церквах и госпиталях были вывешены белые флаги, для того, чтобы не вести по этим сооружениям огонь. Несмотря на принятие этого условия, союзники начали стрельбу по этим объектам. При этом Василий (Юдин) отметил, что церкви и госпитали, «покрываемые Богом, до сих пор невредимы»[3]. Многочисленные письма игумена Херсонесской обители подробно освещают положение дел в осажденном Севастополе и состояние церквей в городе.



Севастополь. Собор Св. Равноапостольного князя Владимира. Открытка начала XX в.

Несмотря на тяготы военного времени, архиепископ Херсонский и Таврический не забывал и о сохранении древностей. 1 июля 1855 г. святитель служил литургию в Симферополе, после которой обратился к пастве и внушал местным жителям изучать свои древние святыни, не предпочитая им языческих, иудейских и мусульманских, «ибо мы христиане». Владыка говорил: «Соблюдение сего правила нужно и везде, тем паче у вас, коих страна так богата всякого рода священными древностями, ибо в сей стране христианство возникло с первых времен его; здесь же потом, в Херсонесе, была самая колыбель русского православия. Есть что видеть христианину и чем заняться не только с любопытством, а и с благоговением»[4]. Далее архиепископ Херсонский и Таврический высказывал сожаление о том, что священные древности в Крыму находятся в самом незавидном положении, что никто не думает о развалинах и спасении их от конечного разрушения и посрамления перед иноверцами. В частности, он указывал на Херсонес, где на руинах церквей паслись животные, и на пещеры в Инкермане, которые использовались как загоны для овец. В заключение Иннокентий призвал паству к сочувствию в деле восстановления святынь, к участию в нем не только материальными средствами, но и личной деятельностью.

С окончанием войны святитель, несмотря на пошатнувшееся здоровье, продолжил работу по воссозданию храмов и монастырей в Крыму, по устройству новых кладбищ для павших воинов. В 1856 г. он снова посетил полуостров, чтобы лично осмотреть «где, что и как нужно устроить»[5]. Здесь архиепископ Иннокентий открыл киновию во имя Св. Стефана Сурожского в Кизилташе и делал все возможное для устройства обителей в урочище Катерлез и близ источника Св. Козьмы и Дамиана[6]. Более всего во время этой поездки архипастыря беспокоило состояние храмов. 11 июля 1856 г. он обратился с рапортом в Святейший Синод, в котором сообщал о том, что после прекращения в Крыму военных действий он поручил Севастопольскому благочинному А.Г. Лебединцеву осмотреть всю местность, занятую у города неприятельским лагерем, и донести о положении местных церквей. Подготовленное священником донесение содержит подробное описание разрушения культовых объектов, а также указывает меры, которые предпринимались для их восстановления. Так, в рапорте сообщалось, что в Херсонесской киновии от церкви и двух монастырских зданий остались одни следы. Дорога к Херсонесу была пересечена траншеями в разных направлениях. От бывших

Кизилташский Свято-Стефано-Сурожский монастырь. Открытка начала XX в.

[1] Погодин М.П. Кончина Иннокентия // Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического / Сост. М.П. Погодин. М., 1867. С. 67–71.
[2] Барсов Н.И. Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического. Вып. 2. СПб., 1884. С. 28.
[3] РНБ ОР. Ф. 313. Д. 36. Л. 137.
[4] Там же. Л. 70–71.
[5] М.Ш. Указ. соч. С. 989–990.
[6] Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 52.

ворот до развалин церкви, обследованной графом А.С. Уваровым, и оттуда к самой оконечности мыса была проведена глубокая траншея к батарее, устроенной неприятелем[1].

Наиболее полный отчет о состоянии храмов Херсоно-Таврической епархии после Крымской войны содержится в рапорте архиепископа Иннокентия в Святейший Синод от 11 марта 1857 г. Владыка, собрав нужные свидетельства по этому вопросу, доводил их до сведения органа церковного управления, с указанием тех мер, которые уже были приняты, и тех, которые только предполагались к исполнению. Более всех мест в Крыму от действий врага пострадал Севастополь, ставший, по словам иерарха, «жертвой всесожжения за Отечество»[2]. Из всех городских храмов уцелел только Морской Николаевский собор. За исключением утвари нетронутыми оказались церкви Керчи и Евпатории[3]. К пострадавшим от неприятельских набегов архиепископ Иннокентий отнес храмы в Ак-Мечети, Ялте и Бердянске[4]. Особое внимание иерарх уделил крымским обителям. Он отметил разрушение скитов в Херсонесе и Инкермане. Проект о восстановлении на херсонесских развалинах церкви, в которой принял крещение князь Владимир, как требующий особенных издержек, откладывался на более позднее время, до восстановления самых значимых объектов. Относительно Успенского скита в Бахчисарае преосвященный Иннокентий указывал, что по причине удаленности от места сражений, духовный центр не был разорен, хотя терпел все невзгоды военного времени, отчего работы по его благоустройству были прекращены. Обитель стала местом погребения воинов, павших на полях сражений Крымской войны, в том числе и высшего командования – Петра Владимировича Веймарна, барона Павла Александровича Вревского и других лиц. Около нового кладбища владыкой было предложено устроить малую церковь. В конце донесения архиепископ Херсонский и Таврический просил у Святейшего Синода разрешения на открытие всероссийской подписки на восстановление пострадавших от войны крымских скитов посредством публикации объявлений в газетах. Владыка писал, что впервые обращается к подобной мере и, если в прежние годы удавалось ограничиваться привлечением средств местных жертвователей, то вследствие опустошений, причиненных войной, нельзя было обойтись без содействия православных соотечественников. Без этого дело полного благоустройства крымских скитов могло существенно замедлиться[5].

30 сентября 1857 г. Святейший Синод, в связи со смертью преосвященного Иннокентия, обратился к сменившему его епископу Димитрию (Муретову) и предписал высказать соображения по вопросу о необходимости испрашивать высочайшее разрешение на открытие всероссийской подписки для восстановления пострадавших от войны крымских скитов. Это распоряжение осталось без ответа[6]. Лишь четыре года спустя, когда Таврическая епархия стала самостоятельной, появился отзыв по этому вопросу. Епископ Алексий (Ржаницын) 7 октября 1861 г. обратился в Святейший Синод, донося, что настоятельной нужды в открытии подписки не усматривается[7].

Архиепископ Иннокентий на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

В последний раз архиепископ Иннокентий взглянул на восстановленные по его инициативе святыни во время поездки в Крым весной 1857 г. В первую очередь преосвященный Иннокентий стремился посещать места, разрушенные во время бомбардировок Крымской войны. 28 апреля 1857 г. владыка Иннокентий выехал в Балаклавский монастырь. На пути через Мекензиевы горы архиепископ осматривал места битв по Инкерманской и Байдарской долинам. Развивающаяся болезнь и начавшиеся продолжительные обмороки не позволили ему продолжать активно инспектировать культовые сооружения Крыма. Только 6 мая 1857 г. Иннокентий осмотрел Севастополь, его развалины и укрепления. Был он и в Херсонесском скиту. Вид киновии, изрытой траншеями, болезненно подействовал на архипастыря. Преподав здесь последние наставления настоятелям крымских скитов и монастырей, он возвратился в Балаклавский монастырь. Вечером, поручив Балаклавскому архимандриту Геронтию вместо себя осмотреть памятные места Крыма, преосвященный продиктовал ему инструкцию. Она касалась восстанавливаемых в Крыму монастырей. Рекомендовалось полностью выкупить землю для монастыря Кизилташ, решить вопросы с братией и устроить как можно скорее малую церковь во имя Св. Стефана Сурожского. Относительно монастыря Кетерлез близ Керчи Иннокентий выразил благодарность местному благочинному Николаю Кумпану и всем керчанам. С 7 по 8 мая 1857 г. тяжело больной Иннокентий ночевал в Симферополе. Услышав о болезни архипастыря, местное духовенство поспешило к нему на встречу, но он почти никого не принимал. Из Симферополя святитель послал предписание настоятелю Бахчисарайского собора об устройстве оград и часовен на военных кладбищах на Каче и Бельбеке[8]. 11 мая 1857 г. преосвященный Иннокентий вернулся в Одессу, где умер 26 мая 1857 г., в праздник Св. Троицы.

Таким образом, архиепископу Иннокентию (Борисову) принадлежит инициатива восстановления в Крыму средневековых обителей – проект, получивший название «Русский Афон. Уже после первого объезда вверенной ему епархии в 1848 г. владыка Иннокентий решил воссоздавать находившиеся на Крымском полуострове заброшенные духовные центры. Для исполнения этой идеи была проведена значительная подготовительная работа, в ходе которой были составлены «Прошение жителей города Симферополя, Бахчисарая, местечка Алушты и прочих соседних городов и селений» и «Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским». В документах были перечислены предлагавшиеся к восстановлению памятники и приведены доводы в пользу этого

[1] ГАГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15.
[2] Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. 118. Оп. 1. Д. 5380. Л. 6 об.–7.
[3] Там же. Л. 10 об.–11 об.
[4] Там же. Л. 12 об.–13 об.
[5] Там же. Л. 14 об.–21.
[6] Там же. Л. 26–26 об.
[7] Там же. Л. 27–27 об.
[8] Востоков Н. М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, 1800–1857 // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 701.

решения. Поддержку владыке Иннокентию оказывали выдающиеся люди того времени, в первую очередь новороссийский генерал-губернатор М.С. Воронцов и великий князь Константин Николаевич. Важную роль в реализации проекта архиепископа Иннокентия сыграло сотрудничество архиепископа Иннокентия с вице-президентом Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем. Во многом высказанное ученым предположение о руинах церкви в Херсонесе как о месте крещения князя Владимира послужило отправной точкой замысла владыки о возведении нового храма в центре городища. В 1853 г., с согласия преосвященного Иннокентия, к раскопкам в Херсонесе был привлечен археолог А.С. Уваров, которым была открыта большая базилика. Дальнейшему восстановлению «Русского Афона» помешали события Крымской (Восточной) войны. Для восстановления пострадавших от боевых действий церквей и монастырей архиепископ Иннокентий попытался организовать всероссийскую подписку, однако эта инициатива не имела продолжения. В послевоенные годы святитель планировал проведение многих работ, посвященных истории Церкви, но пошатнувшееся здоровье не позволило ему их реализовать. Весной 1857 г. архиепископ Иннокентий совершил последнюю поездку в Крым, во время которой осмотрел результаты своего труда – восстановленные обители и построенные церкви. Именно благодаря деятельности иерарха в Крыму была воссоздана система монастырей, устроена киновия в Херсонесе и закреплена традиция участия духовенства в деле описания, охраны и популяризации памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 118. Оп. 1. Д. 5380. Л. 6 об.–7, 10 об.–11 об., 12 об.–13 об., 14 об.–21, 26–26 об., 27–27 об.
2. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), Ф. 4, Оп. 1, Д. 3, Л. 14–15.
3. ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 114; Д. 67. Л. 3, 22. 28. 29, 32.
4. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 313. Д. 36. Л. 70–71. 137; Д. 37. Л. 14–15, 115–116, 143–144, 179–180, 210–211, 231–232, 318–319; Д. 39. Л. 185–186; Д. 41. Л. 23–32, 42, 89 об.–91; Д. 42. Л. 386–387.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 20. Д. 44614. Л. 10–11, 15 об.–17, 101–103, 106–107, 113–116; Оп. 24. Д. 16. Л. 5.
6. Барсов Н.И. Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического. Вып. 2. СПб., 1884.
7. Востоков Н.М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, 1800–1857 // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 648–685.
8. [Гроздов А.В.] Историческая записка о Херсонесском Св. Равноапостольного великого князя Владимира монастыре // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1888. № 5. С. 81–86.
9. Дюбоа-де-Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, по Черкессии и Абхазии, Мингрелии, Георгии, Армении и Крыму // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35, Отд. 3. С. 93–154; Т. 36, Отд. 3. С. 1–36; 1840. Т. 39, Отд. 3. С. 185–224.
10. Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским // ИТУАК. 1888. № 5. С. 87–97.
11. Иннокентий [Борисов]. [Письма к великому князю Константину Николаевичу, 1852] // Русская старина. 1879. № 5. С. 190–191.
12. [Иннокентий (Борисов)]. Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице. Произнесено в Одесском Сретенском городском соборе 3 октября 1854 г. / Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 1. СПб., 1908. С. 498–502.
13. М. Ш. Архиепископ Иннокентий в Тавриде в 1854–1855 гг. // Таврические епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 977–990.
14. Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 30–57.
15. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 3. Отд. 4. С. 625–691.
16. Непомнящий А.А. Роль духовних осіб у розвитку історичного краєзнавства в Криму: Друга половина XIX – початок XX ст. // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 123–133.
17. Непомнящий А.А. Служители культа в развитии исторического краеведения Крыма: Историко-библиографический аспект // Крымский архив. 1999. № 5. С. 77–91.
18. Оболенский М. Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 685–687.
19. Погодин М.П. Кончина Иннокентия // Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического / Сост. М.П. Погодин. М., 1867. С. 67–71.
20. Родионов М.К. Сведения о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной в каменной скале / Подг. А.В. Гроздов // ИТУАК. 1890. № 9. С. 62–67.
21. Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010.
22. Kozelsky M. "Ruins into Relics: The Monument to Saint Vladimir on the Excavations of Chersonesos, 1827–57." *The Russian Review* 63.4 (2004): 655–672.
23. Plokhy S. "The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology." *Journal of Contemporary History* 35.3 (2000): 369–383.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Калиновский, В. В. У истоков восстановления колыбели христианства на Руси: архиепископ Иннокентий (Борисов) и Херсонесская обитель / В.В. Калиновский // Пространство и Время. — 2014. — № 2(16). — С. 207—215. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st2-16.2014.71